

**AUTHOR'S CONCEPT OF SELF-CONSCIOUSNESS
IN THE NOVEL "THE ENDLESS DEADLOCK"
BY DMITRY GALKOVSKY**

Shtepenko O.

INTRODUCTION

At the end of the 20th century, the literary process is distinguished by a special intensity of self-determination and tends to be highly dramatic, to have deep philosophical context, to revise cultural and historical guidelines and literary hierarchies. Writers deeply experience cultural and worldview revolutions, which require the master of words to define his own position. Reflection of the end of the "thaw", internal collisions while formation and resistance to officialdom in the era of "stagnation" and the realization of a complete change in the social and cultural realities of the 1990s stimulated an interest in the problems of creativity precisely in the context of global philosophical issues and led to the emergence of a wide range of self-identification models. All these features gave the impetus for in-depth self-reflection and reassessment of the entire set of previous models of creator's self-identification, as well as accelerated the dynamics of these processes and intensified their inconsistency.

In-depth self-reflection is imposed on the general tendency of literature to self-comprehension, encourages the search for identity, dialogue with other generations and metatexts of different periods. Therefore, the intention to self-determination gains scale and takes on specific features in the work of different generations precisely under the conditions of fundamental changes at the end of the 20th century. M. Abasheva qualifies them as a search probe for new ideas and forms in the radically changed art of words, as "... a field of various aesthetic experiments on which new models of writing behavior are produced"¹.

In Russian literature of the late 20th century, it is difficult to find a work of art that could be compared to D. Galkovsky's famous postmodern hypertext "The Endless Deadlock" in breadth of understanding of self-consciousness. The work provides a concept for discussion, aimed at

---

¹ Абашева М.П. Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. 320 с. – С. 37–38

awakening the reader, providing a keen dialogue with artistic and philosophical traditions, which is an original, experimental form of meta-prose at the same time. It reflects the brightest features of the generation of consciousness.

The relevance of the study and interpretation of D. Galkovsky's hypertext from the perspective of self-reflection of literature is caused by the dominant theme of self-consciousness in this work, which covers a wide material of cultural self-determination of generation and individual. As already stated by the researchers, D. Galkovsky's novel is "a reflection of Russian culture (and especially literature) and the tragedies of national history supposedly caused by it, as well as the narrator's self-interpretation as a typical product of this particular culture and a certain segment of this tragic history"².

In our opinion, the author is faced with a supertask – to model a bridge between the cultural identity of different periods – especially the Silver Age and modern times. This is declared from the first pages of the novel: *«У каждой нации должна быть рациональная сказка, охватывающая плотным кольцом все стороны быта и изгибающая их по направлению к центральному мифу <...>. Мне нужно было высветить реальность новой сказкой, новой актуализацией русского мифа»*³.

The innovative intentions of the novel are highlighted in the monographs by R. Nefahina⁴, L. Shevchenko⁵, G. Merezhinska⁶, N. Bieliaieva⁷, L. Sadykova⁸, I. Skoropanov⁹. Modifications of

---

² Мережинская А.Ю., Коминарец Т.В. Русская постмодернистская литература конца XX – начала XXI века: знаковый код и стратегии художественного поиска. Херсон: Айлант, 2007. 220 с. – С. 65

³ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 2.

⁴ Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80 – начала 90-х годов XX века: учебное пособие для студентов филологических факультетов. Минск: Издательский центр «Экономпресс», 1998. 231 с.

⁵ Шевченко Л.И. Русская проза трех последних десятилетий (70–90-е годы XX столетия). Kielce: Academiі Swietokzyskiey, 2002. 295 с.

⁶ Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80–90-х годов XX века: Монография. К.: ИПЦ «Киевский университет», 2001. 433 с.

⁷ Беляева Н.В. Поэтика маски в русском романе: интертекстуальные аспекты // Русская литература. Исследования. Сб. науч. трудов. Вып. VI. Киев: Логос, 2004. С. 38–53.

⁸ Садькова Л.В. Особенности диалогизма в русской эссеистике рубежей XX века // Русская литература. Исследования: Сб. научн. тр. Київ, 2008. Вып. XII. С. 276–290.

⁹ Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: «Наука», 2007. 608 с.

postmodernism, the originality of the “Russian version” and features of the late stage of its dynamics are emphasized in the works of the mentioned literary critics.

However, the novel “ Endless Deadlock” by D. Galkovsky has not been consistently considered in terms of self-consciousness and identifying strategies for self-reflection, as well as in the aspect of the author’s concept of personal and national consciousness. Therefore, we choose it as the main guideline of our reflections and observations and make an attempt to solve this particular *problem*.

1. Specificity of generational consciousness in the novel

In his work, the writer focuses on the artistic study of the process of self-consciousness and treats it as very painful and dramatic. One may argue the emergence of such accents by experiencing a crisis, transitional state of society and culture. Reflecting on the state of modern man, the narrator compares it with a hermit crab, who has lost his old carapace and is frantically looking for a new one. The carapace, of course, means a system of solid landmarks that disappeared in a situation of social and philosophical cataclysms of the late 1980s and early 1990s. Personal and general cultural aspects of the artistic study of consciousness turn out to be closely intertwined, and the specificity of generational consciousness is expressed clearly in the process of self-reflection.

D. Galkovsky was born in 1960 and formed as a personality, philosopher and writer in an atmosphere of “stagnation”. He creates a phenomenal artistic image of this period as a fatal, infernal spell that has created a specific worldview worthy of artistic and scientific interpretation. In the essay “ Endless Deadlock (Main Text)” this period is characterized as “twilight”. But it extends its scope to the entire 20th century. The aesthetic approach to the terrible, a kind of “decadent” accent, reveals clearly. The writer tries on a mask of aesthetic decadent, experiencing “fatal minutes” and finds beauty in a disaster: *«Я живу в эпоху сумерек. В конце прошлого века очень боялись этого слова. Казалось, что это что-то страшное, багрово-красное, как бы преддверие ада: сумерки сознания, сумеречное сознание. Но сумерки – это совсем не страшное, а красивое слово. Набоков сказал: “Сумерки – это такой томный сиреневый звук”»*¹⁰. In the novel, the seemingly marginal years of “stagnation”, which lose in the external dynamics to a fractured “thaw”,

---

¹⁰ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1170.

are characterized as «изюминка нашей эпохи»¹¹. They are conceived as a time of internal not an external action, the maturation of self-consciousness, the most auspicious period for self-absorption and setting the problem of personal and national identity. Looking at the entire Soviet era with its totalitarian suppression of man, D. Galkovsky finds either an obscurity, a specific darkening in the 1960–1980s, or an assessment of only external phenomena without clarifying the inner, hidden essence of the spiritual life of this period: «Писалось и пишется об экстравертированных ужасах. А есть еще ужасы интровертированные, в реальности не видные. И это страшней. Как раз 60–80-е это преимущественно эпоха **интровертного инферно**. Предыдущие поколения до него просто не доросли, не дожили. Голод, войны, эпидемии – тут не до психологии. Личная жизнь, “я” человека не доросли до нужного уровня, не окунали свой мозг в холодное верхнее злорадство. Это сейчас только разгорелось»¹². However, according to the narrator of the novel, the opportunity to comprehend the “basic questions of being” was realized in the 1960s – early 1980s in an ugly form and under the pressure of the wrong mechanisms of socialization. D. Galkovsky, immerses himself in autobiographical material and creates a self-parody: an unfortunate, no-one-needed “genius” – Odinson. The author focuses on the distortions of Soviet pedagogical concepts, forcible collectivism, the persecution of lone wolves who stand out from the rest, mania for “reforging” and “re-education”. While in the West they sent peculiar children to a psychotherapist, in “stagnant” Russia “such” get kicked: «Что же, абстрагируешься от коллектива? <...> Бейте его, ребята!!!” <...> Математикой занимается? – Не гармонично! Пускай рисует. А этот, что рисует? – В математику его. <...> Главное, чтоб гармонично. Чтобы человека можно было, как гармошку, растягивать и сокращать»¹³.

The writer creates his myth about the 1960s – 1980s, his contemporary and contemporary’s self-consciousness. In the context of such a meta-

---

¹¹ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик : в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 890.

¹² Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик : в 2 кн. – издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 890.

¹³ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 891.

narrative, this period is interpreted as the climax of socialism (the achievement of its peaceful utopia), a hell that absorbed the features of specific decades and, at the same time, a lull that allows the individual to understand fundamental issues, that is, a gracious time.

Inferno forces aim at destroying any individual and turning over the picture of the world, reflecting the peaks of culture in a dark mirror (for example, substitutes with opposite potential immerge in the place of geniuses, signs of culture: instead of Leonardo da Vinci and Goethe there is the socialist version of thinkers and creators).

Experiencing such a period in the subtext is compared with passing through hell, with the extraordinary initiation, the realization of a fabulous impossible task, the battle with the infernal enemy. All these mythological landmarks are part of the author's idea of himself and the generalized contemporary.

There is a clear author's focus on the mythologization of the Soviet period (and especially its utopian peak – “stagnation”), on searching some archetypal foundations in the realities of the ideological life. The axis “sacral / infernal”, as well as “harmonious, integral / deformed, split” appear in this process. The following model arises: the fatal events of the Revolution destroy the old cosmos, and the new one is constructed as distorted, reduced and travesty. An example of such a conversion realizes, in particular, in the reflections on the “Soviet religion”. Therefore, Absolute, philosophical aspect of the world is chosen as the criterion for assessing the distortion, the inversion of the world: *«Новый строй возник как расстройство, как хаотичное разрастание отдельных фрагментов разрушенного мировоззрения. Так аскетический идеал был воспринят как идеал духовного обеднения, а русской душе, веками настраиваемой на монастырь, примитивная пуританская демагогия нашла свой архетипический резонанс. Такая же обморочность, переплетенность пророческих развалин характерна и для других аспектов советской религийки. Если мощные стволы великих религий выросли естественно, создаваясь тысячелетиями, и очень органично включались в душу человека, необычайно усиливали и облагораживали ее, то советская религия – это бутафорское древо, собранное из засохших веточек спиленного христианства»*¹⁴.

The generational aspect of the problem of self-consciousness organically combines personal and general cultural principles. According

---

¹⁴ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 920.

to the narrator, the whole post-October period, and the “introverted inferno” of the 1960s–1980s in particular, leads to the fatal slowing-down of national consciousness, threatened to fade away in the “twilight dream”.

But the experience of the narrator and Odynokov as his defamiliarized alter ego is intended to show the opposite: strong personalities manage to understand themselves and time in a broad philosophical context deeper than “fathers” and “grandfathers” and thus approach the cultural peak of the Silver Age, its broken tradition.

Passing such a test of chaos and deformity is explained by the hero (a man of the 1970s–1980s) as the initiation and choice of several paths at the existential intersection. The results of such initiation are interpreted in a range of contrasting, antinomic possibilities.

The first position is death (“<...> все было рассчитано на мое унижение и уничтожение. Вот где сатанинский, античеловеческий характер нашего мира <...>”)¹⁵. We may consider deformity of personality as variation of death. And the narrator exclaims not without play and coquetry: «А так кто я? – Ублюдок»¹⁶], knowing that the whole work, its philosophical depth and aesthetic organization refute this self-humiliation, make it interpreted as foolishness, argumentum a contrario.

The second possibility is the maturation of abilities despite all the infernal forces of “stagnation”. Actually, the work aims to prove it.

And finally, in the comments, which are compositionally close to the ending, a third, positive, possibility of initiating by “stagnation” is formulated. It consists in becoming a winner. This self-identification is based on a generalization of personal experience and correlates with the philosopher K. Leontiev’s considerations about the ordeals caused by the coming socialism. «Если Леонтьев не знал, что же может утешить грядущего нового человека; “аскета”, у которого будет отнята религия с идеей вечного блаженства, то повествователь с учетом приобретенного исторического и культурного опыта констатирует: “Зато мы узнали. Мы, победители. (А ведь действительно

---

¹⁵ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 891.

¹⁶ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 891.

победители. Тот, кто остался жить после “пира богов”, – победитель)»¹⁷.

The author gives hopes for a possible revival. However, the revival interpreted from the religious point of view (in contrast to infernal motives) is not declared but problematized. Moreover, deformities of the personality, caused by “stagnant” period and its ugly programs, are declared again: *«Речь идет, таким образом, о религиозном возрождении. Для меня, как личности, этот путь невозможен. В конечном итоге я смогу прийти в церковь, но куда же мне девать мое детство, лишённое светлых образов религиозного опыта, этой основы православия? Или кто мне вернет мою юность с ее сложной и запущенной душевной жизнью, но жизнью совершенно вне категорий любви? Вообще, как мне вместить разросшееся мышление под церковный купол, если душа моя искажена, деформирована, просто во многом инфантильна, недоразвита?»*¹⁸. However, recognition of these deformities does not abolish revival, but transfers it to another sector of culture: from religious to creative (artistic and philosophical). It is no accident that a “writer” is the last self-determination.

At the same time, the main story is the search for identity, a meaningful process of cultural consciousness. The difference in the interpretations of the widest range of phenomena becomes the mainspring of the internal action: from literary discoveries and images to historical events, philosophical concepts and political processes. The narrator proceeds from the statements of philosophers, literary images, his reflections after all, and creates commentaries on them, where he develops or makes paradoxical the ideas from the primary sources, brings them to absurdity, demythologizes them. His evidence is also not flawless and may be counter-reflective. Odynokov’s world-view deformations are comprehended as typical, generated by the times of an “introverted inferno” and peculiar to the entire generation formed in its context. It is implied that precisely this generation has the mission to form consciousness in its personal and national coordinates and, therefore, to win and promote cultural revival.

---

¹⁷ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 914.

¹⁸ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 920.

2. Characteristic features of the process of self-reflection in D. Galkovsky's hypertext

Let us trace the features of the process of self-reflection, its relation to philosophical problems in the literary text "The Endless Deadlock".

D. Galkovsky represents the process of self-reflection, firstly, as the realization of a philosophical type of thinking and, secondly, as a feature of national consciousness, its desire to "speak out" and define its borders, stable supports. These theses are not declared, but are often directly proved by the opposite, which corresponds to the postmodernist way of playing the fool. In the novel, this idea is explained as follows: *«Следовательно, Набоков отказался от самопознания. Человек в высшей степени способный к самопознанию, он никогда не поставил в центр повествования самого себя. Его мемуары чисто внешние, описательные. Он отшатнулся от себя. Россия потеряла гениального философа, но приобрела счастливого человека. Ведь судьба Набокова максимально счастлива для русских его поколения»*¹⁹. The opinion is expressed in a provocative manner, but it becomes a part of the system of proofs of the author's approach correctness and contrasts with the recognition of V. Rozanov (the author of "Solitaria" and "Fallen Leaves", aimed specifically at the self-discovery) as the first true Russian philosopher, as well as the discoverer of this subject. D. Galkovsky consistently identifies himself as V. Rozanov's student, armed with the aim of defining the pillars of personal and national consciousness. Literary analysis of artistic thinking dominates among many aspects of consideration of the problem (such as historiography, history of Russian philosophy in the context of the world philosophy, conspiracy, imagology).

A wide range of ideas about creativity is exposed to self-reflection in the novel. Creativity is described as a mystical act, the closest one to the mystery of the world creation and man's fate. It results in the constant replacement of positions on the scale from the author to the hero, because the haughty writer (it is V. Nabokov in the following passage), who masters the hero's life, is himself a work. Moreover, the hero of the novel can acquire mystical autonomy and, unexpectedly for the author, to parody his creator, to hint at the existence of incomprehensible interdependencies of these figures. That is why, according to D. Galkovsky, the problem of creativity is philosophical and can be considered, but not solved within the

---

¹⁹ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 671.

relevant discourse. The quoted commentary is a response to V. Nabokov's words about the pleasure of modelling Luzhin's fate, inventing its fatal turns, "playing subtly and ingenious" with it: *«Но насколько его герой является его героем? Не есть ли все его поведение – борьба с автором и сюжетом? В сущности Лужин догадывается о сюжетности и предумышленности своей жизни. Но, конечно, догадка не может быть ничем иным; его хаотическая "борьба" лишь прихотливый изгиб сюжетной линии. Автор могуществен. Но, с другой стороны, автор же и конечен. Он сам Лужин по отношению к некоему подлинному Автору своей жизни. Произведение-то теологическое, философское. Это есть свобода воли и как она сочетается с божественным предопределением. И не умогательно-терминологически, а реально. <...> Как это могло бы быть при реальности существования Высшего мира. И в какой степени человек может догадываться о возможности такового. Не в той ли, в какой Лужин догадывался о существовании Набокова?»*²⁰. Throughout the novel, Odinokov repeatedly compares himself to Luzhin, looking for differences, already acknowledging the similarity in advance. The author models Odinokov's image upon literary patterns, acknowledges that his thinking is "literary", seeks for a higher meaning and logic in his destiny by addressing the Higher world (problems of religion, mystery of words, human nature, mysteries of personal and national consciousness).

Literature displace the "meaning of life" provocatively. A lot of transformations and substitutions occur: the author turns into Odinokov, who, in turn, tries on the masks of different literary heroes. One's own life is read from the perspective of literature, which raises the question of the possibility to find an identity in general, exacerbates the postmodern "death of the subject", the fundamental "secondaryness" of the individual, his dependence on cultural texts, the ineffability. The following provocative reflections of the narrator may serve as an example: *«Случилось самое нелепое. Я превратился в романтического героя, в обычного, заурядного гения. Моя биография архаична, да и просто является штампом: "гениальный одиночка, изгой, стоящий в костюме арлекина посреди зачумленного города и хохочущий смехом сатанинским". Но каково мне, когда эта пошлятина (а для русского сознания это всегда будет пошлятиной) вдруг оказалась моей*

---

²⁰ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 663.

судьбой. Если так все по нелепым книгам вышло»²¹. One's own image, which is based on literary models, is doomed not only to be secondary but also to become a parody, stylization or travesty of an authoritative model. And we can trace the "mockery" of the individual on the part of the process of self-knowledge and language. Mockery turns to be the answer, as Odinson demythologizes and brings down to earth authoritative figures that claim power over the world. Accordingly, the images of Vl. Solovyov, M. Berdyayev, A. Chekhov are desacralized, Familiar relations are established with beloved V. Rozanov, who is re-sacralized and relocated in the centre of Odinson's worldview: «Где-то посередине, где-то между низменной и вечной сущностью (будь то дьявольской или божественной)»²².

The miserable self moves in a circle of literary images and iconic figures, its autobiographical experience, terrified by the inability to escape from this coordinate system. And one of the interpretations of the symbolic title of the novel breaks through in this – the danger of not going beyond the walls of one's interpretations, of being stuck in the process of describing, writing, inventing one's "life story", making the guidelines literary.

The philosophical question of the possibility of personality transcending and the strategies for this process is practically raised. By the way, this feasibility of a qualitative leap forward is considered both in relation to the hero's consciousness and as the form of hypertext, which is threatened by repetition, loss of meaning, loss of reader's interest: «Катастрофа «Бесконечного тупика». Одиноков превращается в бесцельную стилизацию, идиотски обыгрывающую собственную гениальность. А Соловьев, Чернышевский, Ленин, Набоков, Чехов и др. оборачиваются лишь двойниками моего «я». Вещи оживают и превращаются в персонажи, персонажи оборачиваются людьми, люди же оказываются на поверку лишь автономными элементами моего «я». «Бесконечный тупик» превращается в тысячестраничную схему, лишенную конкретного содержания. Не так ли?»²³.

---

²¹ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1023.

²² Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1033–1034.

²³ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1016.

The problem is resolved paradoxically, in D. Galkovsky's manner of thinking. The very search process turns to be a transcendental strategy. This is because fundamental philosophical questions (including self-determination) do not have definitive answers, but the path to solution invariably elevates a man. This opportunity to escape in the act of self-discovery, to rise above the whirligig of samples and somebody else's quotes, distinguishes Odinson from the heroes he provocatively identifies himself with: *«Я Лужин, но со странной особенностью – я играю не в шахматы, а в жизнь. Свои собственную жизнь. Моя специализация – я сам. Я Лужин, вполне понимающий и осознающий себя Лужиным <...> Но у набоковского героя разрыв с собой, возможная трансформация своего дара и, следовательно, хоть какая-то компенсация, обнаруживаемость из реальности. Мой же дар никак не проявляется в мире, он абсолютен и невинен. Лужину этого не надо. Он не замечает себя, и ему важен выигрыш как таковой. Но мой выигрыш – это сны и, чтобы сны выиграли, нужно их шарлатанское признание»*²⁴.

Not only the autobiographical hero, but also the historical figures are subject to “becoming literal”. Mainly, a grotesque image is created and the effect of paradox, defamiliarization and travesty is modelled. For example, V. Rozanov (beloved by the author) unexpectedly puts on the mask of a character from M. Gogol's “Marriage” in the narrator's reflections about Russian eros. *«Розанов – это просто женившийся Подколесин. Подколесин, так и не выпрыгнувший из окошка. Подколесин – Гоголь выпрыгнул (все-таки действительно, “русский народ смелый”)»*²⁵. A rather broad and paradoxical spectrum of possible landmarks of self-identification and literary “roles” for iconic figures is considered. This game is often based on a serious implication, characterizing the change of cultural epochs, the conditions in which D. Galkovsky's generation was formed.

In the manner of D. Galkovsky, the philosophical problem “becomes literary”, i.e. it finds its plot. In this case, it is a “twinning” plot: Vl. Solovyov, V. Rozanov and Odinson appear in complex mutual reflections. Odinson searches for his ideal, he looks with envy at the externally beautiful figure of Vl. Solovyov. But the narrator interprets

---

²⁴ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 676.

²⁵ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 632.

Solovyov as a temptation, an unsuccessful romantic sample, whose archetype is carried in other heroes' souls and who embodies their dream about themselves. His image represents the dark side of V. Rozanov and Odinokov' nature: *«Он отказался от своего человеческого. Да я сам бы от него отказался. Только оно и слушать не захотело. Тут издевательство неслыханное. Я мечтал о несчастной любви, а ее не было. В этом-то и сакральное восхищение Соловьевым у Розанова. Он любил в Соловьеве неудавшуюся высокую часть своего "я". "Блестящую, холодную и стальную". Но это-то и отталкивало Василия Васильевича. Отсюда "демонизм" Соловьева, то есть нечто величественное и одновременно чужое, темное. Розанов оплакивал свою юность и чувствовал, что плакать-то нечего. Ничего не было»²⁶.*

Failure (VI. Solovyov's loss of human form, double hysterics) multiplied by failure (impracticability of dreams of V. Rozanov and Odinokov) gives an unexpected positive result – the fruitfulness of the search, the healing nature of self-knowledge, the transcension over the samples, the feeling of a new level of freedom. The achievement of such result is, in our opinion, the purpose of the novel.

3. Artistic strategies for the self-consciousness process and for creation of the author's myth about creativity

In the novel, special attention is paid to the dramatic nature of the process of self-consciousness, to the elaborate system of artistic strategies for its depiction. Let us highlight some dominant ways of artistic interpretation.

They include the already mentioned whirling of thought, rotation of the same landmarks in the plane, as well as in the “deadlocks” of subjective evaluations. A situation of mocking turnover of self-consciousness is created: *«Обознатушки-перепрятушки». Я говорю только о себе. Даже в отце – я сам. О мире я сужу по «я» философов и писателей, об их «я» по тем же людям, которых я знал <...> о них, в свою очередь, по своей биографии; наконец, о себе, как о «я», которое является миром, – по книгам, написанным этими же самыми философами и писателями. Это бесконечный тупик»²⁷.*

---

²⁶ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик : в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 668–669.

²⁷ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1022.

The next strategy is to demonstrate the parody of the self-discovery process, exacerbation of the problem of authenticity / imitation, unoriginality. Odinokov gives himself a symbolic definition: «<...> я пародия мыслящая»²⁸, and creates allusions to B. Pascal's "roseau pensant". There is a constant balancing act between the parts of the mentioned opposition, and even their overturning. In addition, a double parody is modelled, which creates the effect of seriousness: «Расшифрованная пародия, пародия, осмысляющая себя как пародию, исчезает»²⁹. It results in a feeling of tragedy and high points of view of the self-discovery process. His decision is brought to the absolute and utmost philosophical abstractions, crossing the boundary of personal self-determination. The self-replicating chain of parodies reaches the Absolute, becomes a "parody of the infinite" and turns over again, carnivalically falling to zero: «Но чем сложнее, чем грандиознее, тем внутренний смысл моего собственного существования становится проще и смехотворнее»³⁰. By the same logic of turning over, the true man is the one who reflects his own parody. The narrator finds an example of such self-interpretation in V. Rozanov, who was ironical towards himself, doubted his own authenticity, and therefore was real and did not play somebody else's role. A similar program is inherited by Odinokov.

An important strategy is to single out contrasts and oppositions, to test any program or pattern from the opposite. For example, the novel contrasts examples of successful self-identification with unsuccessful projects. The former include V. Rozanov, while the latter embrace A. Biely, Vl. Solovyov, A. Chekhov, and even V. Nabokov, who allegedly abandoned self-reflection. So let us give a provocative interpretation of the figure of Andrei Biely, who seemed to be lost in his own fantasies and could not self-determine: «Космос Белого не создан до конца, не замкнут и расширяется в ноль. Распускается в ничто. Нет каркаса материальных нитей – Белый не творец, он не мог осуществить свою программу, да и сама программа его проскакивает в бесконечность. Он испортил себя философией, самый "философский" русский писатель (говорил: "я отравлен Кантом"). Нарушение меры

---

²⁸ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1033.

²⁹ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1033.

³⁰ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1033.

по сравнению с Розановым и Набоковым, и в результате несчастная пародийная личность и судьба»³¹. Undoubtedly, any vague interpretations are also the self-characteristics of Odinokov. They contain his idea of the unsuccessful self-knowledge, the reflection of negative alter ego and fear of repeating a mistake or tragedy. These are all mirrors that reflect the hero.

As a result, a model of the hero is created. The following system-forming features characterize it. Firstly, it is a philosopher and writer who tries to identify the support of personal and national consciousness, and who reconsiders established models and authorities. Self-reflection is the most significant feature. It is considered as a process of philosophical comprehension of the whole world, since it is a set of interpretations in subjective reflection. Such character constantly resorts to self-reflection, provocatively evaluates it as a flaw, but interprets it as a productive process that facilitates the rise and transcendence in subtext: *«В моей жизни есть органический порок, дефект. Какая-то исключительная глупость таится во всем, что происходит со мной. Какую-то я в своей жизни роковую ошибку допустил, что самое обидное – уму моему не доступную, непонятную <...> Может быть, и ошибка-то как раз в этом ощущении ошибочности своей жизни»*³². This person is completely subjective, reserved and literarycentric, inclined to self-parody and stylization (*«Все исчезает в стилизации»*, *«Попытка самосознания грозит превратиться в жеманную стилизацию»*³³). Romantic hero, underground man, “superfluous man”, “little man”, Luzhin, V. Rozanov, V. Nabokov are selected as models for stylization.

Odinokov acts as an aesthete, close to modernist traditions. He clearly sympathizes with V. Nabokov’s aristocracy. Emphasizing this feature in a favourite writer’s appearance is an element of self-reflection, self-characterization. Aestheticism is interpreted paradoxically: the most distant principles – aristocracy and democracy – are integrated: *«Набоков был самым демократичным русским писателем. Его демократичность – а аристократизме, в постоянном подчеркивании элитарного характера художественного творчества. Рассматривая весь мир*

---

³¹ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1024.

³² Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1023–1024.

³³ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1020.

через призму этой элитарности, он одновременно подчеркивал органичность подобного подхода к миру»³⁴. At the same time, such close aestheticism inverts and starts being evaluated as a pose, theatrical, outer form that covers the void. This quality extends to the national mentality unexpectedly (the constantly repeated Rozanov's definition of Russian as "nonsense with art"). It defamiliarizes the natural artistry, inner self-absorption and the tendency to fantasies. The subtext of the novel "Crime and Punishment" is also waved into the reflections: Raskolnikov's question «Человек я или тварь дрожащая?» is replaced by a phrase, which is more interesting than the constantly quoted «тварь»: «Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего»³⁵.

The hero acts as a pure introvert, who differs from the "underground man" by his declared and well-grounded "genius", while the problem of relations between the outer and inner worlds is exacerbated to the limit. Absolute primacy is given to the inner world. (*"Тот же Набоков сказал: "Внешние впечатления не создают хороших писателей, хорошие писатели сами выдумывают их в молодости, а потом используют так, будто они и в самом деле существовали". Выдумка может быть гениальной и может почти полностью заменить реальный опыт"*)³⁶). The contrast between the hero's perception in these coordinate systems is modelled. He is a genius and a creator in the inner world and a bored marginal weirdo in the outer world.

The dramatic clash of worlds and roles, the unresolved conflict gives birth to the author's myth. Traditional structures, fairytale and literary implications are involved in this myth. For instance, Odinokov is in the fantasies and dreams of his own world, like a sleeping beauty, or Hamlet, who has fallen asleep and sees dreams: *«Я создан совсем для иной, обычной жизни. Внешне совсем обычной, а внутренне абсолютно фантастической, высшей. Настолько высшей и светлой, что сон станет бытием, а быт сном. И внешне это будет совсем незаметно, совсем не страшно. Хотя для окружающих меня уже совсем*

---

³⁴ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 638.

³⁵ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1028.

³⁶ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1020-1021.

скучно»³⁷. Thus, the image of the “destitute”, which absorbs and inverts the Block subtexts («О Русь моя! Жена моя...»), traditions of the “superfluous man”, biblical subtexts, is modelled. The motives of mockery of the genius become more intensive. Not a crowd, but a cruel, even infernal world mocks him now: *«Никто, ни одна не подумала: «мне вот этого», «а, пожалуй, Одинокова возьму» <...> А женскими глазами на меня смотрела Россия. И решила: не надо. И детей от такого не надо. Нет, не только я виноват в своем одиночестве. Я миру этому не нужен. <...>»*³⁸.

The fierce confrontation of the outer world (cruel and totalitarian) and the inner self results in the creation of another myth about the victor, the unconquered one who went through death and survived. It is already a heroic myth that absorbs the model of initiation, the plot of Orpheus, the Easter archetype, which further substantiates the need to find firm foundations of one’s self and national consciousness.

CONCLUSIONS

The Russian literature of the late 20th century is characterized by an intensive process of the self-reflection of literature with a tendency to globality. The leading trend is the combination of the search for personal, cultural and national identities.

D. Galkovsky’s prose is the central artistic phenomenon of the consciousness of the literature of the 1980s –2000s. It establishes a high level of artistic study of the process, in which philosophical, artistic, sociological and cultural perspectives are synthesized.

The author’s ultimate priority is the synthesis of artistic and analytical types of thinking in hypertext, the unity of philosophical and artistic principles, identified by D. Galkovsky as “philosophical impressionism”. It originated in V. Rozanov’s and V. Nabokov’s works and became the basis of his own author’s strategy for the development of a comprehensive world view from the fragments of being through complex associations, reflections in the system of mirrors using the game and style complexity.

Both analytical models of personal and national consciousness and myths about them are created in D. Galkovsky’s novel. Search vectors are common in creating these concepts. These are in-depth self-reflection,

---

³⁷ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1022.

³⁸ Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн. издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 698.

analysis of others' authoritative interpretations, identification of closest figures and forms of self-reflection.

The model of author's self-identification in the work is expressed as follows: the writer and philosopher, who reflects the fundamentals of personal and national consciousness, projects the features of self-reflection in the situation of ideological and aesthetic shifts. Typological features of such model are dramatic and transcendental self-reflection, being literary, aestheticism, elitism. A wide range of literary heroes and historical figures (romantic hero, "underground man", "little man", "superfluous man", Luzhin, V. Rozanov, V. Nabokov) are rethought as models.

The author's myth about himself intertwines contrasting fundamentals and equalizes irreconcilable contradictions: the conflict of romantic genius ("Hamlet who sees dreams", "sleeping beauty", "destitute" with Block subtexts) is put on a par with low reality; the proclaimed marginality and mediocrity are opposed to the archetypes of the victor, harmonious cosmos builder, Adam, who gives names; a cultural hero who rectifies fatal mistakes and facilitates to intertwining the fragmented consciousness.

In fact, such guideline is realized in the dominant author's myth about creativity. It is interpreted as finding the solid foundations of self-identification, building a harmonious world on their basis (the construction archetype), naming these foundations (like Adam who gives names), rectifying fatal mistakes with the word and facilitating the flowering of a new cosmos.

SUMMARY

The article concentrates on the study of the controversial authorial concept within the context of understanding of self-consciousness in Dmitry Galkovsky's postmodern hypertext "The Endless Deadlock". This concept combines an original experimental meta-prose with a sharp dialogue of artistic and philosophical traditions and demonstrates synthesis of creative and analytical types of thinking. The interpretation of the novel from the perspective of self-reflection shows the specificity of generational consciousness and embraces dominant strategies for cultural self-determination of the individual. The article also examines the model of author's self-identification and defines its typological features (dramatic and transcendental self-reflection, aestheticism, elitism and being literary). Scientific interest is focused on the author's concept of personal and national self-consciousness and on the creation of their analytical models and myths about them in the artistic text. In this combination, the author's myth intertwines the contrasting contradictions of the writer's search for the basics of self-identification of the person and the development of a new model of the postmodern universe based on them.

REFERENCES

1. Абашева М.П. Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. 320 с.
2. Беляева Н.В. Поэтика маски в русском романе: интертекстуальные аспекты // Русская литература. Исследования. Сб. науч. трудов. Вып. VI. Киев: Логос, 2004. С. 38–53.
3. Галковский Д. Бесконечный тупик (Основной текст) // Бесконечный тупик: в 2 кн., издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. С. 1101–1179.
4. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80–90-х годов XX века: Монография. К. : ИПЦ «Киевский университет», 2001. 433 с.
5. Мережинская А.Ю., Коминарец Т.В. Русская постмодернистская литература конца XX – начала XXI века: знаковый код и стратегии художественного поиска. Херсон: Айлант, 2007. 220 с.
6. Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80 – начала 90-х годов XX века: учебное пособие для студентов филологических факультетов. Минск: Издательский центр «Экономпресс», 1998. 231 с.
7. Садыкова Л.В. Особенности диалогизма в русской эссеистике рубежей XX века // Русская литература. Исследования : Сб. научн. тр. Київ, 2008. Вып. XII. С. 276–290.
8. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: «Наука», 2007. 608 с.
9. Шевченко Л.И. Русская проза трех последних десятилетий (70–90-е годы XX столетия). Kielce: Akademii Swietokzyskiej, 2002. 295 с.

Information about the author:

Shtepenko O.

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor at the Department of World Literature
and Culture named after professor O. Mishukov,
Kherson State University

27, 40 rokiv Zhovtnya str., Kherson, 73000, Ukraine